

МАРЕШАЛЬ

Хачик Нишанович Момджян

Французское Просвещение XVIII века

М.: Мысль. 1983. С.350-387

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ

Предисловие
Социально-политические и идейные предпосылки французского просвещения XVIII века
Фонтенель
Мелье
Монтескье
Вольтер
Руссо
Ламетри
Дидро
Гельвеций
Гольбах
Вольней
Марешаль
Французский материализм — один из идейных источников утопического социализма и коммунизма XIX века
Библиография

Веб-публикация: Martine-Gabrielle и редакторы библиотеки Vive Liberta и Век Просвещения, 2010. Книга выложена по главам, персональная библиография добавлена к соответствующим главам; ссылки для скачивания даны в нашем сообществе и в библиотеке.

Подборка материалов: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#marech>

Философ, видный публицист и общественный деятель периода французской буржуазной революции 1789—1794 годов, Сильвен Марешаль занимает своеобразное место в истории философской и общественно-политической мысли Франции конца XVIII — начала XIX в. Продолжая традиции Жана Мелье, он попытался связать материалистическую философию с принципами утопического коммунизма. Убежденный сторонник дореволюционного французского материализма, позже он пришел в лагерь революционного бабунизма, стал одним из выдающихся его теоретиков и пропагандистов. Как накануне и в годы революции, так и после нее Марешаль вел активную борьбу против религии и религиозных организаций. Он известен как выдающийся воинствующий атеист своего времени.

Всего этого было более чем достаточно, чтобы Марешаль вызвал к себе лютую ненависть реакционных кругов. И действительно, его имя долго было мишенью яр-

стных нападков со стороны феодально-клерикальных и реакционных буржуазных писателей. Еще при жизни философа, в 1802 году, по случаю выхода его «Словаря древних и новых атеистов» Де Лиль де Саль выпустил большую книгу, в которой «опровергал» материалистические и атеистические взгляды Марешаля ссылками на тексты... Священного писания. Де Лиль де Саль пытался запугать «порядочную публику» призраком санкюлотства и террора. С выходом «Словаря», писал он, «все друзья гражданского мира почувствовали себя на миг возвращенными в царство презренной анархии времен Анаксагора Шометта и «Отца Дюшена»¹. Дамирон и другие противники материализма и атеизма приложили много усилий, чтобы представить Марешаля в самом невыгодном свете². Даже в тех скупых строках, которые уделялись Марешалю в энциклопедических и биографических словарях, противники философа вопреки элементарной объективности всячески чернили его память. Так в «Biographie Universelle» Марешаль назван «одним из самых наглых софистов XVIII в.»³.

Время не смятило острую ненависть реакционеров к человеку, осмелившемуся выступить против бога и частной собственности. В 1936 году в Париже вышла книга А. Фюзи, посвященная опровержению взглядов Марешаля. Характерно, что если более ранние критики Марешаля направляли удар преимущественно на его материалистические и атеистические воззрения, то Фюзи главным образом «опровергал» коммунистические идеалы философа.

Литература, сообщающая более или менее достоверные сведения о Марешале, незначительна. Здесь в первую очередь нужно назвать воспоминания приятельницы Марешаля — Гаскон Дюфур, помещенные в качестве предисловия к работе философа «О добродетели», и предисловие его друга, известного астронома Лаланда, к первому изданию «Словаря». К сожалению, и Дюфур, и Лаланд дают очень мало сведений о деятельности Марешаля в период французской революции и совершен-

¹ Mémoire en faveur de Dieu. Par J. de L'Isle de Sales. Paris, 1802, p. 245.

² Damiro n P. Mémoire sur Naigeon et accessoirement sur Sylvain Maréchal et Delaland. Paris, 1857.

³ Biographie Universelle (Michaud), t. XXVI, p. 517.

но обходят вопрос о его участии в бабувистском движении. Несколько страниц о социальных взглядах Марешаля можно найти в работе Лихтенберже⁴ и в других книгах по истории бабувизма.

В 1950 году в Париже вышла посвященная Марешалю монография Домманже, содержащая огромный фактический материал о жизни и деятельности философа. Некоторые утверждения Домманже являются, на наш взгляд, сомнительными или неверными, но это не лишает его книгу в целом значительной познавательной ценности. Сравнительно недавно появилось новое издание книги Домманже⁵.

Сильвен Марешаль родился в Париже в 1750 году в семье торговца. Вопреки желанию отца, предназначавшего сына к коммерческой деятельности, последний, окончив среднюю школу, работал в известной парижской библиотеке Мазарини. Здесь он приобрел ту исключительную эрудицию, которая поражала всех, кто его знал. Марешаль писал, что должность библиотекаря, столь незначительная в глазах многих, принесла ему громадную пользу, ибо дала возможность сличить «великую книгу природы с лучшими книгами, созданными человеческим умом»⁶.

Литературная деятельность Марешаля начинается в 1770 году изданием сборника пасторалей («*Bergeries*»), слабых в художественном отношении, воспевающих природу и пастушескую жизнь, полных рассуждений об абстрактном добре и добродетели. В этом сборнике королевский цензор не нашел ничего, что могло бы препятствовать его опубликованию.

Вслед за первой книгой Марешаль издает сборник стихотворений⁷, написанных в подражание древнегреческому лирику Анакреонту. Характеризуя этот период своего творчества, Марешаль писал: «Желаете знать, какова моя жизнь? Если бы историк взялся описать ее, труд его не был бы объемистым. Моя наука и моя си-

стема, мои проекты и мои желания, мои наиболее значительные деяния и успехи могли бы быть выражены двумя словами: он любил»⁸. Стихи Марешаля, написанные в духе анакреонтической лирики, были лишены сколько-нибудь заметной социальной значимости. Поэт избегал социальных и политических вопросов, проявлял лояльность к существующим порядкам и даже не смог удержаться от соблазна посвятить свои стихотворения королеве Марии-Антуанетте.

Надо, однако, указать, что уже в ранний период творчества Марешаль воспекает простых людей из народа, которые являются для него носителями чистых нравов, правды и справедливости. Достоин упоминания и тот факт, что ранние произведения Марешаля уже свободны от религиозно-мистических настроений, обнаруживают его индифферентизм к религии. Защищаемые им абстрактно-гуманистические моральные максимы не опираются на религию, хотя, если внимательно приглядеться, нетрудно заметить, что заключенная в них проповедь абстрактного человеколюбия немногим отличается от евангельской нагорной проповеди.

Однако такой чуткий и сострадательный к бедствиям народа человек, как Марешаль, не мог долго довольствоваться сочинением безобидных од и пастушеских элегий в период, когда с огромной силой нарастали классовые противоречия и социальный барометр предвещал бурю. Феодално-абсолютистский строй, обреченный на гибель всем ходом исторического развития, делал лихорадочные усилия продлить свое существование. Власти в страхе сжигали одну «опасную» книгу за другой. Тюрьмы наполнялись врагами феодального порядка. Королевское правительство стремилось суровыми репрессиями подавить революционные силы. Но все было тщетно. Феодализм превратился в реакционную социально-политическую систему, которая задерживала дальнейшее развитие промышленности и торговли, лишала миллионы людей стимулов к труду. Мысли выдающихся идеологов различных слоев дореволюционной французской буржуазии — Мелье, Вольтера, Дидро, Гельвеция, Гольбаха, Руссо и многих других вдохновляли на борьбу широкие массы.

⁴ Lichtenberger A. Le socialisme et la Révolution française. Paris, 1899.

⁵ Dommanget Maurice. Sylvain Maréchal. L'égalitaire «L'homme sans Dieu». Sa vie, son œuvre. Paris, 1980.

⁶ Livre échappé au deluge, ou Psaumes nouvellement découverts. Paris, 1784, p. VII.

⁷ Le temple de l'hymen, dédié à l'amour (1771); Essais de poésies légères, suivies d'un songe (1775); Chansons anacréontiques du Berger Sylvain. Bibliothèque des amants, odes érotiques (1771) и др.

⁸ Maréchal S. Chansons et poèmes anacréontiques. Paris, 1777, p. 47—48.

Это мощное идейное движение не могло рано или поздно не увлечь и Марешаля, выходя из оппозиционного третьего сословия, страстно мечтавшего о счастье человека, об утверждении «золотого века» свободы и справедливых отношений между людьми. Марешаль ищет контакта с оппозиционными кругами, устанавливает личные связи с рядом выдающихся в будущем деятелей революции, например Демуленом и Дантоном.

Глубокие социальные противоречия эпохи начинают привлекать внимание молодого поэта. Восторгаясь горами, долинами и реками, он не может уже пройти мимо разящего контраста между величественной природой и жалкой жизнью людей. Идеализированная в стихах Марешаля пастушеская жизнь не имела ничего общего с реальной французской деревней, о которой Руссо писал: «Истощенные лошади, издыхающие под ударами; жалкие крестьяне, изнуренные голодом, надломленные усталостью и одетые в лохмотья; развалившаяся деревушка — все это представляет глазу печальное зрелище». В этих условиях лира Анакреонта была глухим, незвучным инструментом. Марешаль откладывает ее в сторону, чтобы действовать новым оружием.

К концу 70-х годов начинается новый период в творчестве Марешаля. Он испытывает сильнейшее влияние Руссо, наиболее решительного врага социального неравенства и деспотизма, теоретика народоправия и эгалитаризма. Под влиянием руссоистских идей Марешаль дает клятву отдать свои силы освобождению народа от нищеты и несправедливости. Теперь его волнуют новые мысли и чувства. Он выступает с разоблачением деспотизма, прославляет народоправие, ратует за свободу и равенство граждан. Он стремится превратить свою позицию в средство достижения этих заветных целей. Марешаль пишет: «Лучше разбить свою лиру, чем посвятить ее честолюбию и низкой лести. Пусть твоя лира, твоя музыка никогда не станет соучастницей тирании и не пытается украсить цветами цепи, которые куются тираном для твоих сограждан. Пусть любовь к родине и истине, как священный огонь в глубине твоего сердца, вечно вдохновляет и воспламеняет тебя»⁹. Оскверняя свою лиру, пишет Марешаль, он сумел бы добиться покровитель-

ства богачей, но предпочитает тернистый путь борьбы за правду и добродетель. На смерть автора «Общественного договора» Марешаль в 1779 году откликается прочувствованным некрологом в стихах. Он оплакивает Руссо как верного друга угнетенного человечества. Руссо для него — знамя свободы. Имея в виду Руссо, Марешаль восклицает: «Народ, он посвятил тебе свое жгучее красноречие. Его перо ответило за тебя богачам и вельможам»¹⁰.

В работе «Книга для всех возрастов, или современный Пибрак» (*Le livre de tous les ages, ou le Pibrac moderne*), написанной в руссоистском духе, Марешаль бичует деспотизм и аристократию: «Не ищите достоинств в среде привилегированных. Они могут оказаться в этой среде лишь по недоразумению или случайности»¹¹. Богатство и роскошь, заявляет Марешаль, находятся в руках тех, кто не работает; народ — источник всех благ, и, однако, он лишен всего. «Что станет с этими бесплодными дворянами, — многозначительно спрашивает он, — если народ, который кормит господ, откажется предоставить в их распоряжение свои трудолюбивые, созидательные руки?»¹² Он защищает идею уничтожения абсолютизма, ограничения королевской власти. Король, согласно Марешалю, должен быть подчинен законам страны: «Тот, кто царствует, должен быть рабом национального кодекса. Он должен дать отрубить свою голову, если таково требование закона».

Через два года в известной своей работе «Фрагменты моральной поэмы о боге» (*Fragment d'un poëme morale sur Dieu, 1781*) Марешаль уже вплотную подошел к республиканской идее, открыто провозглашал и отстаивал право народа на революцию, на свержение монархического строя. Он обращался к королям: «Ваши права священны до тех пор, пока счастлив народ. Вы получаете свои права не от бога, а от народа... Ваши подданные в момент отчаяния могут занести свои руки на ваши священные головы, завладеть короной и вернуть себе свои права». Поэт-мыслитель как бы предвидел 1793 год: «Придет, придет тот день когда вы, монархи, без свиты, без побрякушек предстанете перед трибуналом законов и народы станут судить своих королей».

⁹ *Le livre de tous les ages, ou le Pibrac moderne*. Paris, 1779, p. 189—190.

¹⁰ *Le tombeau de J.-J. Rousseau*. Paris, 1779, p. 4.

¹¹ *Le livre de tous les ages, ou le Pibrac moderne*, p. 8.

¹² Там же, с. 48.

В анонимной работе «Книга, уцелевшая от потопа» (*Le livre échappé au déluge*), написанной в 1784 году, Марешаль заявляет, что все сыны матери-природы рождены равными и свободными и преспокойно могут обойтись даже без добрых царей¹³. Он отвергает иллюзии о просвещенных монархах: «...никогда цари не смогут сделать людям, себе подобным, столько добра, чтобы заставить их забыть о том, что все между собою равны...»¹⁴

Таким образом, Марешаль принадлежал к числу тех одиночек в среде просветителей и политических деятелей, которые еще до революции отстаивали республиканские идеи. Вспомним, что даже Робеспьер и Марат пришли к идее республики лишь в процессе самой революции.

Уже на данном этапе своего развития Марешаль в отличие от многих просветителей XVIII века не ограничивается нападками на двор и аристократию. Он выступает против крупной буржуазии, «бесстыдных богачей», «аристократов без фамильных гербов», которые живут за счет чужого труда. Мыслитель бичует власть золота: «Есть один бог, для которого все возможно. Его редкие добродетели признаются всеми смертными. От скипетра до пастушеского посоха — все и всюду славят этого бога, являющегося отцом всех богов. Он имеет также своих мучеников и совершает чудеса. Одно его присутствие заставляет его пророков то молчать, то говорить. Тот, кто соприкасается с его алтарем, излечивается от всех своих недугов; наделенный его милостями перестает быть порочным. Наиболее любимые его фавориты могут без зазрения совести делать все. Этот бог не имел ни одного неверующего в него. Все неустанно славят это божество. Добродетель, таланты и даже красота получают свою силу от него. Без него они мало что собой представляют. Он первопричина всего сущего! Без него человек еще и теперь был бы ничем... На колени, смертные! Этот бог — золото»¹⁵.

Мечта о социальном строе, при котором нет богатых и бедных, угнетателей и угнетенных, а единственной

властью является власть отца над семейством, в более или менее отчетливой форме пронизывают начиная с 1777 года почти все работы Марешаля. Он утверждает, что такое идеальное человеческое общество уже существовало в прошлом. Это был «золотой век», воспетый античными поэтами. Задача заключается в том, чтобы вновь к нему вернуться.

Наиболее резко высказался Марешаль против социального неравенства накануне революции, в 1783 году, в работе «Первые уроки старшему сыну короля, преподанные кандидатом в депутаты будущих Генеральных штатов» (*Premières leçons du fils aîné d'un roi par un Député, presomptif aux futurs Etats généraux*).

Работа эта была написана после того, как королевский двор, стремясь предотвратить катастрофу, решил созвать Генеральные штаты. «Хаос, — пишет Марешаль, — который якобы предшествовал творению земли, ничто по сравнению с хаосом, который господствует ныне на поверхности земного шара, и ад, которым мне угрожают, не может быть хуже, чем жизнь, которую ведут в обществе свободные и равные люди, являющиеся в действительности на три четверти рабами и на одну четверть господами»¹⁶.

Еще до революции Марешаль, говоря о равенстве, вкладывал в это понятие более радикальное содержание, чем это делали многие из якобинцев 1793—1794 годов. Опережая вождя «бешеных» Жака Ру¹⁷, Марешаль утверждал, что при наличии в обществе богатых и бедных, сытых и голодных свобода может стать лишь формальным понятием. «Нас трое против одного, нашим намерением является восстановление на земле тех порядков, которые некогда существовали, т. е. наиболее совершенного и наиболее законного равенства... Сделаем землю общим достоянием всего населения. Если найдется среди нас человек, который имеет два рта и четыре руки, было бы совершенно справедливо давать ему двойную порцию еды; но если все мы созданы по одно-

¹⁶ *Premières leçons du fils aîné d'un roi...* Bruxelles, 1789, p. 97.

¹⁷ Имеется в виду известное выступление 29 июня 1793 года на заседании Парижской коммуны, где Ру заявил: «Какая это свобода, если один класс людей может заставить голодать другой? Какое это равенство, если богачи посредством своей монополии пользуются правом распоряжаться жизнью и смертью себе подобных?»

¹³ См. *Марешаль С.* Избранные атеистические произведения. М., 1958, с. 85.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Fragment d'un poëme moral sur Dieu.* Paris, 1781, p. 28.

му образцу, то давайте делить пирог поровну, и пусть каждый приложит руки к тесту...»¹⁸

Маршалль понимал, что его идеал социального равенства, уничтожение паразитического существования одних людей за счет других, превращение земли в общее достояние всего народа не могут быть осуществлены в современную ему эпоху. «Все то, — восклицал Маршалль, — что я пишу по этому вопросу (о социальном равенстве. — Х. М.), является не более как сказкой в данное время, но я утверждаю, что в будущем оно станет действительностью»¹⁹.

Как же мыслил Маршалль уничтожение социального неравенства? Ставил ли он вопрос об уничтожении частной собственности?

Внимательное изучение работ Маршалля показывает, что, продолжая оставаться на позициях руссоистского эгалитаризма, он не поднимал вопроса об уничтожении частной собственности. Напротив, право на собственность мыслитель рассматривал как «священное право» и считал его основой общественных законов. «Уважайте, — писал он, — хижину, где бедняк живет свободно. Никогда не нападайте на право собственности. Священная даже для королей, она поддерживает равновесие законов общества»²⁰.

Задача, по мнению Маршалля, заключается в том, чтобы заново перераспределить собственность (в первую очередь земельную) и сделать людей владельцами равных благ. Но нельзя забывать, что мелкобуржуазное понимание равенства, столь реакционное в наше время, накануне французской буржуазной революции было требованием наиболее передовых, радикальных слоев французского общества. «Идея равенства мелких производителей, — писал В. И. Ленин, — реакционна, как попытка искать позади, а не впереди, решения задач социалистической революции. Пролетариат несет с собой не социализм равенства мелких хозяев, а социализм крупного обобществленного производства. Но та же идея равенства есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач»²¹.

¹⁸ *Premières leçons du fils aîné d'un roi...*, p. 34—35.

¹⁹ Там же, с. 35.

²⁰ *Le livre de tous les âges, ou le Pibrac moderne*, p. 9.

²¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 225—226.

Заканчивая изложение предреволюционных социально-политических взглядов Маршалля, следует отметить, что ортодоксальным руссоистом он не был. Бесспорно, что в социально-политических вопросах он следовал за Руссо. Но между учителем и учеником имелось и существенное расхождение. Руссо — идеалист и сторонник деистической религии. Маршалль же еще до революции сторонник материалистической философии и воинствующий атеист. Сочетание социально-политической концепции Руссо с материалистической и атеистической философией является отличительной особенностью мировоззрения Маршалля. Эта особенность делает фигуру Маршалля оригинальной и в своем роде единственной среди видных деятелей французского Просвещения.

Французская буржуазная революция 1789 года не явилась для Маршалля неожиданным событием. Он ждал революции, предвидел ее, боролся за ее победу. Он восторженно приветствовал наступление «царства разума», но очень скоро понял, что пришедшая к власти крупная буржуазия меньше всего заинтересована в возврате к «золотому веку», к установлению подлинной свободы, равенства и братства.

С первого же дня переворота Маршалль оказался в рядах наиболее радикальных революционных элементов. В январе 1790 года Маршалль издавал газету «*Topique de Diogène, ou les révolutions de clergé*», которая после 33-го номера была закрыта. В сентябре того же года, после смерти Лустало, он стал фактическим редактором одной из самых влиятельных демократических газет эпохи французской революции — «*Révolutions de Paris*». Ее издателем и официальным редактором был Жак Прюдом — человек совершенно бесцветный и тщеславный, не разрешавший сотрудникам, в том числе и Маршаллю, подписывать свои статьи. А именно многочисленные статьи последнего, помещенные в «*Révolutions de Paris*», создавали славу газете, завоевывали ей авторитет в глазах читателей, оказывали большое влияние на ход политических событий.

Из номера в номер Маршалль нападал на половинчатую политику Национального собрания. Он отлично понимал, что заседавшие в Национальном собрании представители крупной буржуазии боятся дальнейшего углубления революции, революционной инициативы народных масс, что они пытаются отстранить массы от вмешатель-

ства в политическую жизнь. Разоблачая антинародную политику Национального собрания, Маршалль стремился содействовать росту классового самосознания эксплуатируемых, внушить им бодрость и веру в свои силы. Обращаясь к крестьянам, он писал: «Революция не может совершиться без вас, без вашего сочувствия...»²²

С начала 1791 года республиканец Маршалль открыто отстаивает мысль о необходимости новой революции, которая должна не на словах, а на деле осуществить принципы свободы и равенства, упразднить монархическое правление. «Граждане, — пишет он в «Révolutions de Paris», — нам необходима вторая революция. Мы не обойдемся без новой революции; первая уже позабыта, и мы имели до сих пор лишь предвкушение свободы. Свобода ускользнет от нас, если мы ее не закрепим. Нужно сдерживать и разбивать уже не духовенство и аристократию; на Людовика XVI и его министров должны мы перенести наш преобразующий взор»²³.

Новая революция не должна ограничиться упразднением королевской власти, ее основная задача заключается в том, чтобы обеспечить фактическое равенство людей, перераспределить собственность, сделать всех одинаково счастливыми и зажиточными — эту мысль Маршалль отстаивает в ряде статей. «Бедняки, — заявляет он, — совершили революцию, но они не извлекли из нее выгоды, так как и после 14 июля 1789 года они находятся почти в таком же положении, как и до 14 июля»²⁴.

Наиболее ярко социально-политические взгляды Маршалля в начальный период революции изложены в его работе «Природа на трибуне Национальной ассамблеи» (Dame Nature à la barre de l'Assemblée Nationale), изданной в 1791 году. Устами Природы Маршалль говорит депутатам Национального собрания: «Вы упразднили некоторые отвратительные и возмутительные различия, которые существовали между людьми. Вы осмелились провозгласить людей свободными и равными. Среди 25 миллионов людей, смелыми представителями которых вы являетесь, я вижу изменения разве лишь в одеяниях. Их нравы остались прежними, никакого улучшения в их общественном поведении, в их частной жиз-

ни: Как и прежде, я вижу две совершенно различные касты — бедных и богатых. Как и прежде, несмотря на торжественную Декларацию прав человека, я вижу везде господ и слуг. Глухая стена отделяет тех, которые имеют много, от тех, которые имеют недостаточно. Лишь когда исчезнет это оскорбительное и прискорбное деление, я поверю в ваши прекрасные декреты и в действительность ваших усилий»²⁵.

Природа указывает на необходимость упразднения паразитических каст дворянства и духовенства, перераспределения всех благ среди семейств пропорционально количеству их членов. «Я не люблю королей, — заявляет Природа, — но еще меньше люблю богачей. Неравенство собственности еще более противно, чем неравенство сословное». Далее следует призыв к новой революции. «Я утверждаю, — говорит Природа, — что революция еще не совершена»²⁶.

В рассматриваемый период взгляды Маршалля не носят еще коммунистического характера. Он требует не упразднения частной собственности, а лишь ее уравнивания. Но и эти мысли являлись настолько мятежными, что Маршалль был вынужден скрыть авторство «Dame Nature», а на страницах «Révolutions de Paris» прикрывать свою позицию рассуждениями о недопустимости насильственной борьбы за аграрный закон, о бескровной революции и т. д.

После 10 августа 1792 года, когда была свергнута королевская власть и во Франции установился республиканский строй, Маршалль оказался в рядах левых якобинцев. По своим социально-политическим взглядам он был близок к группе «бешеных» и полностью симпатизировал антирелигиозной политике Парижской коммуны, с руководителями которой — Шометтом и Эбером — был в дружеских отношениях²⁷. Как якобинец, он боролся против жирондистского федерализма, отстаивал введение максимума и был безоговорочным сторонником казни Людовика XVI. Падение жирондистов он приветствовал как необходимое условие дальнейшего углубления революции.

²⁵ *Maréchal S. Dame Nature à la barre de l'Assemblée National. — Révolutions de Paris, 1791, N 9.*

²⁶ Там же.

²⁷ Шометту посвящен вышедший в 1793 году сборник атеистических стихотворений Маршалля «Бог и священные книги».

²² *Маршалль С. Избранные атеистические произведения, с. 101.*

²³ *Révolutions de Paris, 1791, N 8.*

²⁴ *Révolutions de Paris, 1791, N 82.*

В период решительных схваток Французской республики с коалиционными силами интервентов Маршалль развил кипучую деятельность революционного публициста. Он писал статьи, полные энтузиазма и оптимизма, призывал защитников родины к бдительности и беспощадному уничтожению внешних и внутренних врагов революционной Франции. Помимо журналистской деятельности Маршалль в период якобинской диктатуры успешно занимался и иной литературной работой. Его следует считать одним из основоположников французской революционной драматургии. Маршаллю принадлежит ряд революционных пьес, среди которых особой популярностью пользовалась пьеса «Последнее решение королей» (*Le jugement dernier des rois*), где пропагандировалась идея мировой революции и братского объединения народов.

Важно выяснить отношение эгалитариста Маршалля к социально-экономической политике якобинской диктатуры. Он, само собой разумеется, приветствовал мероприятия Национального конвента, направленные против крупной буржуазии и преследовавшие, как ему казалось, задачу постепенного уничтожения социального неравенства, но вскоре понял, что робеспьеристы далеки от мысли уравнивания граждан в их имущественных правах. Продолжая отстаивать мероприятия Национального конвента и политическую линию Робеспьера, Маршалль одновременно, в 1793 году, анонимно издает интересную работу «Поправка к революции» (*Correctif à la révolution*), в которой с левых позиций подвергает принципиальной критике не только феодальный строй, но и буржуазный характер якобинской диктатуры.

Маршалль вновь и вновь утверждает, что революция еще не совершенна, ибо старый социальный порядок, основанный на имущественном неравенстве людей, не погиб, а лишь видоизменил свою форму. «Революция, — пишет он, — не совершенна, ибо она все еще существует только в умах. Это, конечно, много, но недостаточно. Мы бросили в огонь королевский скипетр, розги духовенства и дворянские грамоты. Это очень хорошо. Но революция все же существует только на словах и в теории. Фактически она еще не осуществилась. Свобода и права человека, равенство, обязанности граждан — все это мы знаем наизусть, эти слова знакомы нам, и даже младенцы лепечут их. Но пользуются ли люди этими правами и в

точности ли их осуществляют? Стали ли мы счастливее? Увы, нет! А почему? Потому, что мы не стали лучше. А не стали мы лучше по той причине, что не сообразуем наше поведение и наши привычки с нашими принципами»²⁸. Свои рассуждения Маршалль заканчивает следующим недвусмысленным выводом: «Пока будут существовать господа и слуги, бедные и богатые... не может быть свободы, не может быть равенства. Нет, революция ничуть не завершена»²⁹.

По убеждению Маршалля, подлинное возрождение человечества связано с уничтожением социального неравенства. Люди, утверждает он, не злы от природы, они становятся таковыми по причине правового и имущественного неравенства: «Неравенство условий жизни и богатств... является причиной зла в цивилизованном обществе»³⁰.

В названной работе Маршалль изложил свой идеал человеческого общежития, основной ячейкой которого должна быть семья. Разочарованный буржуазной республикой, Маршалль утверждает, что она не менее деспотична, чем монархия. В утопическом обществе Маршалля не должно быть государства — никакой власти, кроме власти отца над членами семьи. Вся земля поровну разделена между семьями, каждое из которых представляет собой замкнутое натуральное хозяйство. Оно производит столько, сколько нужно для собственного потребления, и не вступает ни в какое хозяйственное общение с другими семьями.

Социальная утопия Маршалля несомненно является протестом против буржуазного строя, против эксплуатации человека человеком, но содержит весьма ошибочные мысли. Утопист Маршалль по существу выступает против совместной производственной деятельности людей, не принадлежащих к одной и той же патриархальной семье. Он выступает против культуры, способствовавшей, по его мнению, фактическому неравенству людей. Остатки этих неправильных взглядов мы еще встретим в написанном Маршаллем «Манифесте равных».

Преследования «бешеных» и эбертистов заставили Маршалля скрывать свои взгляды. Он не только не при-

²⁸ *Correctif à la révolution*. Paris, 1793, p. 306—307.

²⁹ Там же, с. 397.

³⁰ Там же, с. 307.

мирился внутренне с Робеспьером и его единомышленниками, но с еще большей убежденностью отрицал буржуазный порядок и проникался мыслью, что спасение человечества — в уничтожении частной собственности. Эти убеждения укрепились у него под влиянием Бабефа, с которым он установил связь еще в марте 1793 года. Много перенесший от ложных обвинений своих политических врагов, Бабеф 26 марта 1793 года пишет Марешалю: «С этим письмом обращается к вам гражданин, патриот, подавленный несчастьем. Он видел в ваших писаниях сострадание к несчастьям других. Стало быть, он знает заранее, что вы будете тронуты его печальным положением»³¹. Описав свои злоключения, Бабеф заканчивает следующей просьбой: «Брат мой, добейтесь для меня у Прюдома разрешения на работу в типографии. Я буду получать у него столько, сколько фактически заработаю»³². Марешаль при содействии Шометта исполнил просьбу Бабефа, и последний получил работу. Когда же его вновь арестовали, Марешаль приложил много усилий для его освобождения.

Письмо Бабефа к Марешалю от 28 февраля 1794 года свидетельствовало о единстве их взглядов. Прочитав с большим интересом «Dieu et les prêtres», Бабеф писал Марешалю: «Я вновь прочту этот труд и дам прочитать сыну... Я представляю его воодушевление и заранее наслаждаюсь его восторгом при виде нового катехизиса, который вместо обмана будет показывать людям и заставит их видеть истину...»³³ Восторженный отзыв Бабефа вполне понятен, если вспомнить, что в вышеназванной работе Марешаль отчетливо излагал свои мысли о переустройстве жизни на началах социальной справедливости. Эти мотивы были дороги сердцу Бабефа, который успел к тому времени в основном выработать свои коммунистические принципы.

Между Бабефом и Марешалем установился полный контакт. И тот и другой, не распознав сразу контрреволюционного характера термидорианского переворота, приветствовали падение Робеспьера. Как и Бабеф, Марешаль писал статьи о павшем «тиране», расценивая

якобинскую диктатуру как покушение на народный суверенитет, как уничтожение демократических свобод и т. д. Но эти заблуждения не могли долго продолжаться. Вскоре термидорианская контрреволюция показала свое истинное лицо. Вполне понятно, что такие люди, как Бабеф и Марешаль, должны были выступить против термидорианцев.

Как сообщает Буонарроти, «Бабеф, Феликс Лепелетье и Сильвен Марешаль составили тайный союз, имевший вначале только одну цель: определять темы и характер своих политических сочинений»³⁴. В дальнейшем эта организация переросла в центр по подготовке восстания против Директории. По поручению тайной Директории Марешаль написал знаменитый «Манифест равных», который является одним из основных теоретических документов бабувизма. «Манифест» провозглашал: «Р а в е н с т в о! первое требование природы, первая потребность человека и основное звено всякого законного товарищества. Французский народ! тебе повезло не больше, чем другим народам, прозябающим на этом злосчастном земном шаре. Всегда и везде бедный человеческий род, отданный во власть более или менее ловких людоедов, служил игрушкой всяческому честолюбию, пищей всяческой тирании. Всегда и везде людей убаюкивали красивыми словами, но никогда и нигде не получали они вместе со словом дела»³⁵.

Марешаль критикует буржуазно ограниченное понимание равенства. Французская революция, заявляет он, ограничилась лишь провозглашением формального равенства, равенства людей перед законом. Французская революция сохранила имущественное неравенство, вот почему она явилась однобокой, ограниченной революцией, вот почему необходима новая революция. «Французская революция — только предтеча другой, более великой и более величественной революции, которая будет уже последней... Народ раздавил объединившихся против него королей и священников; то же будет и новым тиранам, и новым политическим лицемерам, усевшимся на месте старых. Чего еще надо нам, кроме юридического равенства?.. Нам нужно это равенство, не только за-

³¹ *Advielle Victor. Histoire de Gracchus Babeuf et de babouvisme. Paris, 1884, p. 105.*

³² Там же.

³³ *Fusil A. Sylvain Maréchal, ou l'homme sans Dieu. Paris, 1936, p. 151.*

³⁴ *Буонарроти Ф. Грахх Бабеф и заговор равных. М.—Пг., 1923, с. 67—68.*

³⁵ Там же, с. 70.

писанное в Декларации прав человека и гражданина; мы хотим, чтобы оно было среди нас, под кровлей наших жилищ»³⁶.

Все эти утверждения не новы для Марешаля. Мы их встречали и в более ранних его произведениях. Но далее идут мысли, которые свидетельствуют о новом этапе в развитии его воззрений, знаменуют переход от позиции руссоистского эгалитаризма к коммунизму. Переход этот был обусловлен дальнейшим ухудшением положения пролетарских и полупролетарских элементов и выражал разочарование угнетенных масс результатом буржуазной революции. Бесспорно также влияние коммуниста Бабефа на дальнейшее идейное развитие Марешаля. Если раньше фактическое равенство мыслилось Марешалем как наделение всех граждан одинаковой собственностью, то сейчас он отвергает аграрный закон и прямо ставит вопрос об уничтожении частной собственности³⁷.

«Манифест» не скрывал, что осуществление социального переустройства общества мыслимо лишь методами революционного насилия. «...Мы намерены жить и умирать равными, какими мы родились; мы желаем или действительного равенства, или смерти; вот чего нам надо. И мы добьемся его, этого действительного равенства, какой бы то ни было ценой. Горе тем, кто заградит нам путь к нему. Горе тому, кто станет противиться желанию, провозглашенному таким образом». Немного далее говорилось: «Мы готовы снести все до основания, лишь бы оно (равенство.—Х. М.) осталось у нас».

Как свидетельствует Буонарроти, тайная Директория под влиянием Бабефа решила не опубликовывать «Манифеста». Вместо него было напечатано и распространено краткое «Содержание учения Бабефа». Буонарроти сообщает, что тайная Директория не одобрила содержащихся в «Манифесте» следующих выражений: «Если надо, пусть погибнут все искусства, лишь бы у нас осталось действительное равенство» и «Пусть исчезнет, наконец, возмутительное деление на правящих и управляемых». Наличие этих выражений в «Манифесте» свидетельствует, что Марешалю не удалось полностью преодолеть руссоистское отношение к культуре, а также

свои былые анархические взгляды на государство³⁸. Можно полагать, что имелись и другие причины, которые заставили отказаться от опубликования «Манифеста». Так, в «Манифесте» акцентировалось внимание на упразднении частной собственности лишь на землю и ничего не было сказано о других формах частной собственности, в то время как в «Содержании учения Бабефа» было записано: «Никто не может присвоить земельную или промышленную собственность исключительно себе, не совершая тем самым преступления»³⁹. В остальном «Манифест» правильно выражал принципы бабувистского движения.

Идеи, изложенные в «Манифесте», Марешаль пропагандировал и в своих песнях. В дни организации заговора особой популярностью пользовалась написанная Марешалем «Новая песня для предместий».

Деятельность Марешаля не ограничивалась пропагандой бабувизма. Как один из вождей заговора, он занимался практической подготовкой восстания.

Как известно, «Заговор равных» провалился вследствие предательства Жоржа Гризеля. 21 мая 1796 года Бабеф и некоторые его соратники были арестованы. Марешаль, как и Дебон, избежал ареста, потому что при Гризеле их имена не были произнесены. Следует отметить, что Марешаль не проявил достаточно мужества в публичной защите своих единомышленников, как это было, например, сделано Лепелетье, Пашом и др. Он не принял участия и в попытке поднять восстание в Гренельском военном лагере под Парижем 23 августа 1796 года. До конца жизни Марешаль тщательно скры-

³⁸ Морис Домманже в работе «Sylvain Maréchal» (Paris, 1950) с позиций так называемого «демократического социализма» берет под защиту глубоко ошибочные утверждения автора «Манифеста равных» о возможности утверждения коммунистического строя без наличия революционной государственной власти. Расширяя и углубляя неверные высказывания Марешаля, искажая историческую правду, Домманже пытается представить дело таким образом, будто всякое государство враждебно свободе личности (см. с. 315—316 названной работы). Домманже пытается отождествить основы утопического коммунизма Марешаля с научным коммунизмом Маркса и Ленина. Давая общую оценку автору «Манифеста равных», Домманже пишет: «...он в общих чертах, соответственно тону, стилю и аргументации своей эпохи говорит то, что скажут в общем Маркс и Ленин 50, 100 лет спустя» (с. 321—322).

³⁹ Буонарроти Ф. Грахх Бабеф и заговор равных, с. 182.

³⁶ Там же, с. 70—71.

³⁷ Там же, с. 70.

вал свою причастность к «Заговору равных». Ни в одной из его последующих работ, в том числе и в «Словаре атеистов», мы не находим даже упоминания имени Бабефа.

Разгром бабувистского движения и последовавшая за ним политическая реакция вынудили Маршала отойти от практической-политической борьбы и посвятить себя литературной деятельности, направленной преимущественно против усиления церкви и роста влияния религии в период Консульства и империи Наполеона⁴⁰.

Большой интерес представляют антирелигиозные произведения Маршала как одного из представителей народно-демократического течения во французском атеизме XVIII века. Развивая тенденции атеизма Мелье, Маршал еще в первых своих работах сочетал критику религии не только с критикой феодального строя, но часто и с разоблачением социального неравенства, угнетения бедных богатыми. Уже это обстоятельство должно определять особое внимание марксистского историка атеизма к трудам Маршала.

В своих дореволюционных сочинениях Маршал предугадывал ряд мероприятий будущего Национального конвента, направленных против религии и церкви. Так, в «Le livre de tous les ages, ou le Pibrac moderne» (1779) он развил идеи, которые предвосхитили культ Разума, как бы явились его черновым наброском. Уже в эти годы Маршал увлекается мыслью о создании дворца «добрых нравов» и дает его описание, напоминающее собор Парижской богородицы, в 1793 году превращенный в храм Разума. На алтарь Маршал помещает мраморную статую Добродетели. Здесь же выставлены бюсты мудрых людей и выписаны их высказывания и биографии, которые читаются на «молениях». Вместо псалмов поются гимны в честь Добродетели. Каждый день года посвящен тому или иному мыслителю. Маршал в своей книге поместил сочиненный им гимн Добродетели.

В упомянутой уже «Книге, уцелевшей от потопа», посвященной главным образом критике социального неравенства и деспотизма, Маршал выступил не только

⁴⁰ Следует отметить, что Маршал одним из первых распознал в лице Бонапарта будущего диктатора и заговорил об этой опасности (см. *Maréchal S. Correctif à la gloire de Bonaparte, ou lettre à ce général. Venis, l'an V.*).

против духовенства, но в замаскированной форме и против религии в целом. В целях мистификации своих противников и пропаганды антифеодальных, антимонархических идей в форме «псалмов» Маршал на каждой странице своей работы ссылается на бога. Но читателю нетрудно было заметить, что бог, привлеченный автором для разоблачения ненавистных социальных порядков, имеет мало общего со спиритуалистическим библейским творцом Вселенной. Бог, к которому взывает Маршал, сливается, отождествляется с идеей истины, справедливости, добродетели и т. п. Нужно согласиться с Домманже, когда он, характеризуя это произведение Маршала, пишет: «Естественное состояние, первоначальное равенство, мудрая умеренность, тирания королей, узурпация со стороны богатей, обман священников, противоречия, которые XVIII век любил устанавливать между естественным человеком и человеком цивилизации, идеи, которые были высказаны Руссо и Мабли, освоены и в некоторых пунктах существенно развиты дальше Маршалом, — все это мы находим в рассматриваемых псалмах. И в этой работе Маршал часто присовокупляет к понятию бога и провидения различные определения: Истина, Природа, Мир, Справедливость, что не оставляет никаких сомнений относительно его подлинных мыслей, несмотря на тогу, в которую он рядится»⁴¹.

В 1788 году Маршал издал свой «Альманах честных людей» (*Almanach des honnêtes gens*). Если в «Le livre de tous les ages» мыслитель развил идеи, легшие в основу будущего культа Разума, то в «Альманахе» он предвосхитил основные идеи введенного Национальным конвентом республиканского календаря, заменив имена «святых» именами «честных людей»: Демокрита, Аристотеля, Шекспира, Кампанеллы, Декарта, Спинозы, Вольтера, Гельвеция, Руссо и других мыслителей и писателей.

На «равных правах» с другими Маршал предоставил в своем «Альманахе» место Моисею, Христу и Магомету. Устанавливая новое летосчисление, он обозначил 1788 год, год выхода «Альманаха»; первым годом царства Разума, переименовал месяцы, разделив каждый на три декады. В последние пять-шесть дней года, названные «Эпагоменами», он предполагал устраивать празд-

⁴¹ *Dommanget M. Sylvain Maréchal*, p. 105.

ники, посвященные Любви, Бракосочетанию, Признательности, Дружбе и Великим людям.

«Альманах» вызвал бурю негодования. В нем реакционеры с полным основанием увидели не только нападки на религию и церковь — явление обычное в конце XVIII века, но и практический шаг к разрушению религиозного культа. Особое внимание они обратили на то обстоятельство, что Моисей, Христос и Магомет перечислялись Маршалем как равнозначные величины. В этом усматривалось стремление к свободе вероисповедания, для господствующего католического духовенства, быть может, более страшное, чем десяток трактатов против доказательств бытия бога. Один из «верных сынов» церкви писал советнику парламента: «Я испытал те же чувства, что и вы. Имя Иисуса Христа перечисляется вместе с именами Парацельса, Спинозы, Сент-Евремона, вместе с именами Вольтера, Пиррона, Буланже, Коллинза — одним словом, с именами тех, кто вызывает смуту и в принципах, и в поведении людей. Что может быть более возмутительным?»⁴²

7 января 1788 года по докладу аббата Тандо парламент осудил «Альманах» и вынес решение об аресте Маршала. Его посадили в тюрьму Сен-Лазар, где содержались нарушители общественной нравственности. Через четыре месяца его выслали из Парижа.

В дальнейшем «Альманах» в дополненном и измененном виде переиздавался неоднократно. Многие из того, что в нем намечал Маршал, не нашло отражения в республиканском календаре. Известно, что в последнем месяце были названы по-иному. Однако как «Альманах», так и республиканский календарь преследовали одну и ту же цель: отменой старого, грегорианского календаря нанести удар по религии, по ее господству в быту.

Еще раньше, в 1781 году, как уже было отмечено, появилось произведение Маршала «Фрагменты моральной поэмы о боге» — одно из самых воинствующих атеистических произведений французского Просвещения XVIII века. В дальнейшем работа была с дополнениями переиздана под названиями «Бог и священники» (1793) и «Французский Лукреций» (1797).

Здесь Маршал открыто отвергает спиритуалистическое мировоззрение, обрушивается на все формы религии, разоблачает паразитическое духовенство, его моральный облик, его антинародную, антикультурную роль. Во «Фрагментах» содержатся все главные положения материализма и атеизма Маршала, которые затем легли в основу других его антирелигиозных работ.

«Французский Лукреций» — основная философско-атеистическая работа Маршала. В ней он в духе материализма решает вопрос об отношении мышления к бытию, заявляя, что материя первична и вечна и в своем развитии порождает неисчислимое богатство своих форм. «Разве для того, чтобы существовать, — пишет Маршал, — мир нуждается в хозяине? Вот этот сосуд был глиной, прежде чем попасть в руки горшечника, ибо материал предшествует форме и мастеру. Раз природа существует — она возникает из самой себя. Ее формы могут меняться, но она вечна. Если, черпая все из самого себя, мир не имеет творца, он сам является собственным двигателем»⁴³. Нелишне отметить, что ту же исходную материалистическую мысль Маршал выразил и в одной из наиболее поздних своих работ — «Путешествии Пифагора».

Маршал руководствуется убеждением, что вечная, неуничтожаемая материя находится в процессе непрерывного изменения. «Все существующее, — пишет он, — неизбежно подвержено постоянным изменениям. В разное время материя, различно расположенная, произрастает в растениях; в человеке живет мысль. Все привлекает друг друга, все друг друга отталкивает. В одном и том же предмете мы находим одновременно и причину и следствие. В своем развитии природа воздействует на самое себя и непрестанно принимает все новые формы. Стихии, одновременно родственные и противоположные, стремятся к одинаковой цели противоположными путями»⁴⁴.

Нетрудно заметить, что материалистическому мировоззрению Маршала не чужды элементы диалектического мышления. Вслед за Дидро он приближается к пониманию истины, что борьба противоположных начал, тенденций в одном и том же предмете является внут-

⁴² Monin H. L'Etat de Paris en 1789. Etudes et documents sur l'ancien régime. Paris, 1889, p. 221.

⁴³ Маршал С. Избранные атеистические произведения, с. 53.

⁴⁴ Там же, с. 48.

ренным источником развития. Само собой разумеется, что мысль о саморазвитии в результате борьбы противоположностей у Маршала, как и у Дидро, выражена в еще достаточно примитивной форме и продолжает вживаться в границах метафизической и механистической методологии. Маршалль говорит об изменениях, обусловленных борьбой противоположных явлений, которые одновременно составляют единство, об элементах, которые в каждый данный момент притягиваются и отталкиваются. Эта внутренняя, имманентная борьба является естественной силой, которая создает динамическую картину мира, где все подчинено закону вечного обновления. Все стареет, изменяется, пишет Маршалль, и разрушающее время возвышает, чтобы низвергнуть, уничтожает, чтобы возродить.

Всю силу материалистической философии Маршалль обращает против идеи бога, против религии. Если материя вечна, если она постоянно движется и развивается по имманентным, ей присущим законам, то идея бога теряет всякое разумное значение. Эта идея не более как фикция, химерическое понятие, возникшее в те отдаленные времена, когда человечество находилось на низкой ступени своего развития. Правильное понимание материи делает излишним понятие бога. Маршалль полемизирует с теистом: «Выбирай: либо Вселенная движется сама собой, либо и ее создатель был кем-то создан. «Нет, — отвечает теист, — существуя сам по себе, необходимый и абсолютный верховный распорядитель, богатый своей внутренней сущностью, дает существование всему, не получая существования ни от кого». Непослудовательный теист, почему ты не относишь эти качества к материи? Бог, привлекаемый тобою с таким усилением, лишь сгущает мрак, который нужно рассеять. И почему Вселенная — это великое целое, полное жизни, — не может существовать своей собственной энергией? Знаешь ли ты материю и ее свойства? Она пассивна и безжизненна лишь в твоих помутневших глазах. Прежде чем судить о ней и давать ей творца, о недалекий богослов, нужно познать ее»⁴⁵. Итак, природа едина и бесконечна. Вне и над ней нет и не может быть никакой силы, никакого существа.

В поэме Маршала Природа в следующих словах

отстаивает свои prerogatives: «Кто этот творец, эта первопричина, этот всевышний, всеблагой бог, который будто бы породил меня? Когда и где я обязана ему этим благодеянием? Кто он, сотворивший все из ничего? Моя мощь, правда, ограничена существованием, но права мои вечны. Я есть и буду, ибо я была всегда. Нет ничего вне меня, я заполняю собой все пространство. Я есть все, а что есть бог? Какое существо превосходит меня? Твой бог — это я, только ты, о невежественный смертный, называешь меня разными именами. Почему же ты захотел отличать меня от меня самой? Природа едина. Так зачем же в своем представлении ты даешь мне творца, который сам взят из моей груди? Не подобно ли это поискам начала и конца в окружности? Вернись, неблагодарное, забывшее свою мать дитя! Вернись к природе и рассея свои химеры!»⁴⁶

В духе Спинозизма Маршалль утверждает, что если и можно говорить о боге, то лишь полностью отождествив его с природой. Бог — не что иное, как излишний, запутывающий людей псевдоним природы. В основе фантастических качеств и свойств, приписываемых богу, лежат реальные качества и свойства материального мира. Так внутренне присущая материи способность к движению и развитию приписана божественной воле.

Опровергая идею бога, Маршалль опирается на принципы материалистического сенсуализма. Все реально существующее, утверждает он, должно прямо или косвенно воздействовать на органы чувств человека. Нечто, в принципе лишненное этой способности, есть химерический плод сознания. Оно существует только в мысли и поэтому не обладает объективностью. «Недоступный ни осязанию, ни обонянию, ни глазу, ни слуху, бог ускользает от наших чувств и скрывает, что он такое»⁴⁷. Однако уже этого обстоятельства, согласно Маршаллю, достаточно, чтобы считать идею бога фикцией.

Используя декартовские критерии истины — ясность и самоочевидность, Маршалль утверждает, что бог, чтобы избежать разоблачения, нуждается, как и всякий вымысел, в запутанных и противоречивых суждениях. Существой бог — все свидетельствовало бы о нем. Разве теоремы Эвклида кем-либо ставились под сомнение?

⁴⁶ Там же, с. 50.

⁴⁷ Там же, с. 49.

⁴⁵ Там же, с. 49.

«Разве нужно было прибегать к угрозам, чтобы доказать, что треугольник имеет три стороны или что дважды два — четыре?»⁴⁸

В духе атеизма своего времени важнейшим аргументом против бытия бога Марешаль считает друг друга исключаящие утверждения относительно божественной сущности. Во многих работах, особенно в книге «За и против Библии» (*Pour et contre la Bible*, 1801), он убедительно показал, что идея бога как бы соткана из противоречий. Этот всемогущий бог, иронизировал Марешаль, не сумел добиться даже того, чтобы различные народы имели о нем одинаковые представления. Вслед за дореволюционными французскими атеистами Марешаль полагал, что наличие социального зла — важнейшее свидетельство против существования «всемогущего и всеблагого» бога.

Нетрудно видеть, что в критике религии Марешаль отталкивается от атеизма Дидро и Гольбаха. Известно, что теоретической основой этого атеизма является все тот же метафизический материализм XVIII века. Однако атеизм Марешаля имеет своеобразный колорит и своеобразную направленность. Своеобразие состоит, как мы уже отмечали, в том, что атеистическое учение Марешаля переплетается с его радикально-демократическими социальными и политическими взглядами.

В критике религии Марешаль исходит из критики не только феодального строя, как это было у Дидро и Гольбаха, но и всякого эксплуататорского общества. Уже возникновение религии Марешаль связывает главным образом с социальным неравенством. Не случайно также, что, не отказываясь от взгляда на религию как на результат сознательного обмана, он вместе с тем придает огромное значение чувству страха как источнику религии. «Страх создал богов» — это положение античного атеизма пронизывает мысли Марешаля о происхождении религии. При этом он имеет в виду не только страх людей перед силами природы, но и страх перед силами неразумного, несправедливого общества с его делением на богатых и бедных, господ и слуг.

Религия существовала не всегда, утверждает Марешаль. «Бесспорно, было время, называемое «золотым

веком», когда человек в лице природы имел своего единственного бога»⁴⁹. Развивая эту мысль, он писал в одной из своих последних работ: «Понятие бога существовало не всегда. Было время, когда человек, живя в семье и для семьи, не знал иного авторитета, кроме авторитета своего отца. . . его руки и его сердце составляли все его достояние и все его наслаждение. Не подозревая о существовании чего-либо над звездным сводом неба и под плодородным слоем почвы, который он обрабатывал, человек жил в то время, не зная ни наук, ни пороков, ни социальных добродетелей, ни преступлений. Он жил в полной простоте, слившись с природой. . . В те времена человек, кругозор которого был ограничен поверхностью земли и небом, не имел и не мог иметь ни малейшего представления о какой-либо силе, кроме той, которая его породила и взрастила. Разве думают о том, в чем не испытывают никакой нужды? И разве ощущаешь необходимость в боге, когда имеешь отца, жену, детей, друга, когда имеешь руки, глаза и сердце?»⁵⁰

В «золотой век» в религии не было никакой надобности. Бог, заявляет Марешаль, — это порождение человеческого несчастья. Когда люди были счастливы, они не подозревали о существовании бога и довольствовались только семейными обязанностями. Но с исчезновением первоначального равенства возникло гражданское общество, появились угнетатели и угнетенные. Тогда и была придумана религия как средство обмана и порабощения. Марешаль следующим образом описывает ее возникновение: «Люди жили среди удовольствий, их семьи находились под одной общей кровлей, и все были друзьями. Но интерес разорвал эти благородные узы — друзья стали гражданами. Самый смелый и честолюбивый из них стал во главе всех. Подчинившись праву сильного, некогда равные сограждане увидели в нем хозяина, а вскоре — тирана. Одни, еще не привыкшие к игу и оскорбленные, другие, завидуя его положению, стали роптать и — увы, слишком поздно! — взывать к законам природы. «Бунтовщики, молчите, трепещите! — кричит им самозванец. — Там, наверху, есть бог: он мстит за

⁴⁸ Там же, с. 50—51.

⁴⁹ *Le Lucrèce français*. Paris, l'an IV, p. 45.

⁵⁰ *Марешаль С.* Избранные атеистические произведения, с. 193—194.

властителей. Небо — его обитель, земля — его творение. Повинуйтесь же!»⁵¹

Маршалль, подобно другим просветителям XVIII века, не поднялся до понимания религии как формы общественного сознания, как продукта определенных социально-экономических отношений. Но важным является то обстоятельство, что в отличие от других просветителей он связывал возникновение религии не только с наличием деспотов и священников, но и с наличием эксплуататоров и эксплуатируемых, с существованием частной собственности и социального неравенства. К этому тезису Маршалль **возвращается** в одной из более поздних своих работ. «Установление гражданского общества, — пишет он, — породило религию»⁵².

Нужно помнить, что под гражданским обществом Маршалль подразумевал эксплуататорское общество, где нет социального равенства, где немногочисленная каста порабощает народные массы. Возникнув в результате гибели «золотого века», религия продолжает существовать вследствие неудовлетворенности людей условиями жизни на земле. «Уже много веков, — говорит Маршалль, — народы почти всех стран не удовлетворены своей судьбой. Они ждут помощи от сверхъестественного существа, которое должно сойти на землю, чтобы изменить или по крайней мере улучшить положение вещей. . . Евреи все еще думают о своем Моисее. Христиане верят во второе пришествие Иисуса в грозном образе строгого и неумолимого судьи»⁵³.

Если Дидро и Гольбах, разоблачая политическую роль религии, подчеркивали главным образом услуги, оказываемые религией деспотизму, то Маршалль ставит вопрос значительно шире. Он обрушивается на религию за оправдание ею социального неравенства, порабощения человека человеком. «Это религии, — заявляет он, — люди обязаны наличием униженного неравенства состояний, которые они малодушно терпят в своей ереде»⁵⁴. И далее: «Религия есть не что иное, как оправдание великой несправедливости, которая уже множество веков подчиняет свыше трех четвертей людей горсточке

им подобно. И нужно сказать, что это утверждение справедливо не только по отношению к монархическому строю»⁵⁵.

Читая строки Маршалля, разоблачающие политическую роль религии, следует иметь в виду, что термин «деспотизм» он понимает в самом широком смысле слова. Деспотами мыслитель называет не только абсолютных монархов, но и богачей, власть имущих вообще, всех, кто держит в повиновении бедняков. «Рабу говорят: чем больше ты будешь страдать на земле, тем больше будешь наслаждаться на небе; позволь себя связать, высесть, колесовать, истощай свою жизнь на службе у тиранов. И чем более безропотным будет твоё повиновение здесь на земле, тем более великим будет торжество, которое готовится для тебя на небесах. Счастливы те, которые один миг плачут на земле, ибо вечно будут смеяться на том свете». Эту убийственную характеристику христианской морали (и не только христианской) Маршалль заканчивает словами: «Позор! Нашлись рабы, которые не распознали этот неуклюжий обман»⁵⁶.

Маршалль вплотную подошел к пониманию религии как опиума народа. В предисловии к «Словарю атеистов» он писал: «Один из новейших законодателей осмелился сказать в дружеском разговоре: «Семью восьмьюми человечества можно управлять только при помощи опиума». Пусть эти слова рассеют ваш долгий сон! Они вполне соответствуют правде. До сих пор людьми управляли, прописывая им сильнодействующие наркотики — религию и подобные ей средства»⁵⁷. Немного ниже Маршалль замечает, что государство довольно, когда толпа постоянно смотрит на небо, ибо в это время она не замечает того, что происходит на земле. Мысль о боге, вознаграждающем в ином мире за мучения, перенесенные на земле, давно запечатлелась в умах подчиненных. Правителям эта мысль дает возможность чувствовать себя спокойно.

Один из главных аргументов, выдвигаемых Маршаллем против бытия бога, — существование зла на земле, и в частности социального зла. «Если бы был бог, — пишет он, — счастливые дни золотого века еще сияли

⁵¹ Там же, с. 55.

⁵² Correctif à la révolution. Paris, 1793, p. 290.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, с. 173.

⁵⁵ Там же, с. 290 (курсив наш. — X. М.).

⁵⁶ Там же, с. 175—176.

⁵⁷ Маршалль С. Избранные атеистические произведения, с. 209.

бы на неутешной земле. А теперь под взором бога попок облагорожен, а мудрец, одинокий, прозябает в забвении!.. А теперь под взором бога все направляется корыстью, а скромная добродетель внушает отвращение!.. Если бы был бог, разве многочисленные грязные фанатики могли бы шататься, подобно шарлатанам, по нашим площадям и продавать от его имени свои талисманы, затемняя разум людей своими измышлениями, обманывая доверчивый народ и заставляя его ползать у своих ног в страхе наказаний?.. Если бы был бог, разве преступный богач смел бы мерить наглым взором униженного праведника, мудреца, оружием которому служат лишь собственное сердце, невинность и слезы?»⁵⁸

Бедствия и страдания народных масс — вот что, согласно Маршалю, заставляет мудреца отрицать существование бога: «Легко верит он в бога, этот беспечный Мидас. От стола к кровати и обратно проходит он по ковру из роз без шипов. Он хорошо вознагражден за свою веру в благость божию. Он не видит зла — все прекрасно для него, и никогда не знал он ни одного несчастного. Но меня, ближе стоящего к страждущим, беспомощного очевидца бедствий мне подобных, — меня охватывает при виде их нечестивый гнев, и если я думаю о боге, то только с проклятием»⁵⁹.

Наиболее развращающую роль религии Маршалль видит в том, что она обезволивает человека, заставляет его склоняться перед злом, примиряться со своими бедствиями, с властью господ. Обращаясь к человеку, опутанному религиозными измышлениями, Маршалль говорит: «Поднимись, человек! Встань в позу господина! Поднимись! Уважай себя! Познай цену себе! Не поклоняйся какому-то богу. Пред тобою — только равные тебе... Нет, ты не рожден для рабства! Подними, наконец, голову и разбей свои оковы. Вновь обрети свое достоинство, смертный! Открой глаза. Без содрогания взгляни на небеса. Там нет господина, вооруженного молнией и готового в гневе своем испепелить тебя. Вне этого мира существует лишь *небытие*»⁶⁰. Свобода несовместима с религией. Идея бога — рабская идея. «Для чего искать нам господина в небесах? — пишет Мар-

шалль. — Мы и без того имеем достаточно господ на земле»⁶¹.

В противовес религиозному принижению человека Маршалль в духе гуманизма поднимает человека на недосягаемую высоту. Человек — высшее существо. В нем выражается все величие природы. Поклоняясь могучему богу, человек поклоняется своему собственному могуществу. «Человек сказал: «Сотворим бога по образу и подобию нашему». Бог был создан, и человек преклоняется перед своим творением». «Народ, — пишет Маршалль, — всегда творил своих богов соответственно своему образу»⁶². «Боги неба — всегда дети земли»⁶³. На вопрос, что такое бог, Маршалль отвечает: «Смертные, приблизьтесь без страха. Осмелитесь хладнокровно созерцать изображение, которому скульпторы по велению ловких попов придали нужные черты. Ведь в этом храме вы видите лишь свой собственный образ. Хвала, воздаваемая какому-то старцу и какому-то младенцу, — это хвала в вашу честь. О смертные, какое торжество для вашей гордыни! Ведь вы воскуряете фимиам своим собственным изображениям...»⁶⁴

Развивая и углубляя старое атеистическое положение о том, что люди творят богов по своему образу и подобию, Маршалль близко подошел к идее, которая стала позднее исходной для фейербаховского атеизма: поклоняясь богу, люди поклоняются своей собственной сущности, оторванной от них и обоготворенной. И, подобно Фейербаху, Маршалль наряду с защитой традиционной атеистической мысли XVIII века, согласно которой религия есть результат обмана со стороны власть имущих, был склонен рассматривать ее как продукт самообмана. Мы видели, насколько интересны и плодотворны были попытки Маршалля искать причины этого религиозного самообмана в условиях жизни людей, в частности в возникновении и существовании гражданского общества с присущими ему социальным неравенством и порабощением большинства привилегированным меньшинством.

Все сказанное дает основание отметить, что Маршалль, не порвав окончательно с традициями просвети-

⁵⁸ Там же, с. 51.

⁵⁹ Там же, с. 54.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, с. 55.

⁶² Le Lucrèce français, p. 65.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Маршалль С. Избранные атеистические произведения, с. 62.

тельского атеизма, все же в объяснении происхождения религии и причин ее существования развивает мысли, которые значительно отличают его от многих представителей современной ему атеистической мысли. Продолжая традиции народно-демократического атеизма Мелье, Маршалль, подобно автору «Завещания», не случайно упразднение религии связывает с утопически понятным коммунизмом.

В этой связи нужно указать на значительные расхождения между Маршаллем и Гольбахом в понимании вопроса о возможности полного преодоления религии. Как было уже сказано, Гольбах полагал, что атеизм не может стать достоянием всего народа. На вопрос, возможно ли изжить в целом народе его религиозные представления, Гольбах отвечал, что «подобная вещь кажется совершенно невозможной и что не ее следует ставить своей целью»⁶⁵. Атеизм, по его мнению, подобно философии и всем серьезным абстрактным наукам, не по плечу большинству людей: «...не для толпы должен писать или предаваться размышлениям философ»⁶⁶.

Еще в дореволюционный период своего творчества Маршалль, как представитель народно-демократического атеизма, исходил из совершенно иных принципиальных позиций. Освобождать от пут религии следует весь народ, ибо все следует делать в первую очередь для счастья народа. «Чтобы поднять народ, нужно спуститься к нему... чтобы рассеять его химеры». Опровергая мысль, что для обуздания народа нужна религия, Маршалль писал: «Зачем этот вечный обман? Он не нужен народу. Дорогой зла можно ли достигнуть доброй цели? Положим конец этому подлому обману. В наше время простолюдину пора стать человеком»⁶⁷.

Это утверждение Маршалля тесно связано с его социально-политическими взглядами, о которых было сказано выше. Народность атеизма Маршалля должна была в период революции привести его в лагерь наиболее решительных борцов против религии. И действительно, в лице Маршалля просветительский материализм и атеизм соединились с практической революционной деятельностью, направленной на преодоление религии. В годы

революции Маршалль не только писал воинственные антирелигиозные произведения, но и принимал (в отличие, например, от Нежона) самое активное участие в борьбе против контрреволюционного духовенства, в борьбе за уничтожение религии. Из номера в номер в газете «*Révolutions de Paris*» Маршалль разоблачал монархическую поповщину, ее связи с аристократией, с зарубежной контрреволюцией, ее демагогические маневры, имевшие целью настроить массы против нового социального порядка.

В 1790 году в ряде городов вспыхнули мятежи, организованные аристократией и духовенством. Маршалль и его единомышленники, не полагаясь на способность буржуазного Национального собрания расправиться с церковно-дворянской контрреволюцией, пытались поднять народ на борьбу с монархическим духовенством, его покровителями и пособниками. Обращаясь к крестьянству, Маршалль писал: «Ночные птицы испускают крик при виде светильника; они чувствуют себя хорошо только во мраке; яркий дневной свет ослепляет их; то же самое происходит со священниками; они — опасные гости, которые сеют раздор везде, куда их допускают. Горе народу, который медлит в отношении их и, оставив, останавливает на полпути свое правосудие. Во время революции правосудие народа должно быть разящим и быстрым, как молния. Нужно, чтобы все головы, упорно продолжающие возвышаться над народом, который призывает только равных, были сражены...»⁶⁸

Маршалль, еще до революции мечтавший о замене христианского культа атеистическим культом Разума, теперь энергично приступил к делу. Он писал в защиту нового культа статьи, подробно разрабатывая оформление храмов Разума, организацию торжеств, порядок церемоний и т. д. В честь Разума он сочинял гимны, популярные среди парижан⁶⁹. Ему же принадлежало либретто оперы «Праздник Разума», которая успешно шла на сцене. В отличие от многих сторонников культа Разума он не вкладывал в него никаких мистических и деистических представлений. В культе Разума он видел вполне атеистическое мероприятие, способствующее вы-

⁶⁵ Гольбах П. Система природы. М., 1940, с. 427.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Маршалль С. Избранные атеистические произведения, с. 66.

⁶⁸ Там же, с. 101.

⁶⁹ Recueil d'hymnes, stances et discours en l'honneur de la déesse de la Raison. Paris, 1795.

теснению всякой религии, и христианства в особенности.

Маршалль, как было сказано, принимал живое участие в антирелигиозной деятельности Парижской коммуны. За неимением достаточных данных трудно сказать, был ли он согласен с ошибочным постановлением Коммуны, запрещавшим отправление религиозного культа. Есть основание полагать, что административной борьбе против религии он не сочувствовал.

Непримиримый к контрреволюционному духовенству, Маршалль в статьях, опубликованных на страницах «*Révolutions de Paris*», принципиально отделял мятежное духовенство, боровшееся под флагом религии за возвращение былых прав и привилегий, от народных масс, которые в силу многих причин придерживались религиозных убеждений. Маршалль разоблачал провокационные попытки священников представить дело так, будто бы революционная власть преследует их за верность религии. Обращаясь в первую очередь к крестьянским массам, он объяснял, что революционная власть, отрицательно относясь к религии, вместе с тем исключает какое бы то ни было преследование людей за приверженность к религии.

Маршалль неоднократно предостерегал власти от недобудуманных, ошибочных действий в религиозном вопросе, от чрезмерного выпячивания этого вопроса. Он приветствовал декрет от 18 брюмера, провозгласивший свободу религиозных культов. Домманже правильно подчеркивает, что, подобно Робеспьеру, Маршалль не считал оружие хорошим средством, для того чтобы сразить церковь⁷⁰. Позже Маршалль проявил еще более глубокое понимание принципа свободы совести. Так, в предисловии к «Словарю атеистов» он писал: «Терпимые относительно вкусов и убеждений, атеисты хотели бы, чтобы правительство великой нации, установив законом свободу вероисповеданий, тем не менее в разумных прокламациях, обращенных к отцам семейств и главам домов, показало бы абсурдность и несуразность всех культов»⁷¹.

Другим вопросом, по которому Маршалль расходился с Эбером и эбертистами, был вопрос о Христе.

Известно, что Эбер и многие его сторонники не только

не сомневались в историчности Христа, но считали его революционером, вождем санкюлотов своего времени. Первоначально и Маршалль разделял эту точку зрения. В «*Almanach des républicains*» (1793) он писал: «Этот еврей (Христос. — Х. М.) был приговорен к смерти аристократами и духовенством за попытку организовать религиозное восстание иерусалимских санкюлотов. Своей деятельностью он дал повод к возникновению послышавицы, согласно которой никто безнаказанно не может быть пророком в своей стране»⁷².

Однако в более поздних работах Маршалль меняет свою точку зрения. Во-первых, он отказывается от признания демократической природы первоначального христианства, отрицает его революционную роль. Рискуя придать первоначальному христианству более поздние черты этой религии, Маршалль пишет: «... причину прогресса возникающего христианства следует искать только в старании, которое приложили его основатели, чтобы угождать власть имущим и держать народ в ярме»⁷³. Эти слова вновь подтверждают, что, как и все домарковские атеисты, Маршалль не мог раскрыть конкретные общественно-экономические и политические условия возникновения и развития христианства, но правильно схватывает его реакционную сущность. Христианство, по Маршаллю, враждебно народу, и, следовательно, всякие попытки сближения его принципов с интересами санкюлотов не имеют основания.

Во-вторых, в этих более поздних работах Маршалль вплотную подходит к отрицанию исторического существования Христа. Читатель мог уже убедиться, что это направление критики религии развивалось многими мыслителями до Маршалля. Значительный шаг в отрицании исторического существования Христа сделали Вольтер, Дидро, Дююи и Вольней. Маршалль опирался на их работы. «Что следует думать о христианстве, о его книгах и их авторах, — писал он, — если учесть труды ученого Дююи? Он утверждает, что Иисус никогда не существовал: Христос — не что иное, как солнце, и христианский культ — культ поклонников этого светила»⁷⁴.

⁷² *Almanach des républicains pour servir à l'instruction publique*. Paris, 1793, p. 40.

⁷³ *Маршалль С.* Избранные атеистические произведения, с. 322.

⁷⁴ Там же, с. 343—344.

⁷⁰ *Dommanget M.* Sylvain Maréchal, p. 276.

⁷¹ См. *Маршалль С.* Избранные атеистические произведения, с. 210.

Маршалль согласен с теми учеными, которые упорно не желают «видеть в личности Иисуса ничего, кроме исторического манекена, облаченного в заимствованные лоскутья»⁷⁵. Он считает, что все идеи имеют свою историю, возникают, развиваются и исчезают. Новые идеи используют соответственно требованиям времени старые идеи, опираются на них, включают в себя некоторые положения отживших свой век мыслей. Такая же преемственная связь существует между религиями. Но связь между старыми и новыми верованиями носит более беспорядочный и алогичный характер. Примером может служить христианство. «...Евангелие (как и вся Библия), — пишет Маршалль, — это мозаика из случайных кусков, бессвязных изречений, без разбора взятых из разных древних источников и преподнесенных от имени вымышленного существа, называемого Иисусом Христом (то же самое можно было бы сказать о Моисее)⁷⁶.

Столь прямо высказанный взгляд на Христа как на мифологический образ дает некоторые основания полагать, что, быть может, Маршаллю принадлежит анонимно изданное в 1794 году произведение «Разоблаченная басня о Христе», в котором делается попытка доказать преемственную связь между легендой о Христе и более древними мифами об умирающих и воскресающих богах. В названной работе отстаивается мысль о том, что христианство есть модифицированный культ Вакха. Одновременно автор «Разоблаченной басни о Христе» пытается установить связь греческой мифологии с мифами Древнего Египта, представить, например, Осириса в качестве прообраза Юпитера. В этих произведениях, правда, много произвольного и надуманного. Но уже сама по себе попытка рассматривать образ Христа как производный от более ранних культов является ценной и правильной. Это был не только отказ от традиционной церковной легенды о Христе, но и по сути дела отрицание Христа как исторической личности.

С гибелью эбертистов с арены сошли люди, отстаивавшие левые политические принципы, проводившие решительную борьбу против религии. С казнью вождей Парижской коммуны началось преследование атеизма. Антирелигиозные пьесы Маршалля больше не ставились.

Для собственного спасения Маршалль был вынужден «оправдать» казнь эбертистов, а затем, когда Робеспьер декретировал культ Верховного существа, написать, насиливая совесть, гимн в честь этого божества. Легко представить, как остро в этот период Маршалль ненавидел Робеспьера.

После термидора Маршалль, перешедший на позиции революционного коммунизма, как мы уже отмечали, отдавал все свои силы подготовке заговора Бабефа, разработке теоретических принципов бабувизма, созданию новых революционных песен для народа и т. п. Естественно, что в этих условиях у него было мало времени для написания специально антирелигиозных работ. Сказанное, конечно, не означает, что он перестал разоблачать враждебность религии делу социального освобождения. Как в «Манифесте равных», так и в революционных песнях Маршалля достаточно ярко выражена его вражда к религии и попощине. Став на путь религиозной борьбы за низвержение эксплуататорских порядков, бабувист Маршалль понимал, что осуществление его идеалов положит конец религиозному обману и самообману.

После разгрома бабувистского движения Маршалль, как уже было сказано, отошел от практической революционной деятельности и целиком посвятил себя борьбе против религии. Разгром бабувистской организации оставил глубокий пессимистический след в атеистическом творчестве Маршалля. В его произведениях появились нотки примирения. Безбожники теперь изображались им мирными, безобидными людьми.

В этом отношении наиболее характерной является небольшая работа Маршалля, озаглавленная «Культе и законы общества безбожников» (*Culte et lois d'une société d'hommes sans Dieu*), вышедшая в 1798 году. Это был устав общества безбожников, которое хотел организовать Маршалль. Многие в этом уставе внешне напоминают буржуазные теофилантропические общины, которые получили широкое развитие после термидора. Но в отличие от теофилантропов Маршалль не признает никакого бога, никаких сверхъестественных сил, ничего мистического. Вместе с тем в «Культе и законах» мы находим такие положения: вход с оружием запрещается; безбожники — мирные люди; члены общества безбожников должны доказать, что они никогда не проливали кровь. Один из параграфов обязывал членов общества

⁷⁵ Там же, с. 298.

⁷⁶ Там же, с. 300.

безбожников в случае гражданской войны выступить в роли примирителей. Эти упадочные настроения Марешаля снижают значение его поздних антирелигиозных произведений. Однако было бы неправильно на этом основании их игнорировать.

В 1800 году вышел в свет известный «Словарь древних и новых атеистов», составленный Марешалем при ближайшем участии видного астронома-атеиста Жерома Лаланда. «Словарь» был враждебно встречен реакционной буржуазией. В «Словаре» Марешаль часто цитирует не только деистов, но и отцов христианской церкви. Однако он выбирает те их высказывания, которые либо противоречат религии, либо задевают авторитет церкви и духовенства. Он отвергает в «Словаре» утверждения об аморальности и бесплодности атеизма и доказывает, что лучшие умы человечества в той или иной степени выступали против религиозных измышлений. В предисловии к «Словарю» Марешаль критикует ряд черт, характерных для буржуазного атеизма и бравирующих атеизмом аристократов.

В том же 1800 году Марешаль издал сочинение «Путешествие Пифагора», в котором обобщил свои социально-политические идеалы и атеистические взгляды. Работа была заострена против социального неравенства, пропагандировала принципы утопического коммунизма. Пифагор, который выступает у Марешаля сторонником коммунизма и атеизма, заявляет, обращаясь к кротонцам: «До тех пор, пока жители вашего города будут делиться на богатых и бедных, вы не можете считать себя вполне свободными. Бедняк по необходимости становится рабом богатого, а богач — господином бедняка»⁷⁷. «Путешествие Пифагора» содействовало распространению радикальных социально-политических взглядов не только во Франции, но и за ее пределами. Опубликованное в начале XIX в. на русском языке, оно оказало влияние на передовую русскую интеллигенцию того времени⁷⁸. Это произведение Марешаля сыграло немаловажную роль в формировании социально-полити-

ческих взглядов членов Общества филосоматов, и в частности Адама Мицкевича⁷⁹.

За два года до смерти Марешаль выпустил упомянутый выше труд «За и против Библии». Эта работа, систематически разоблачавшая библейские легенды и христианскую мораль, была направлена против возраставшего влияния религиозного мировоззрения, защитником которого оказался Шатобриан. «Печально видеть, — писал о нем Марешаль, — в XIX веке, как человек, еще молодой, растрчивает свой талант на восхваление мессы и ладанки, священников и иезуитов»⁸⁰.

Незадолго до смерти Марешаль, покинув Париж, поселился в деревне Мон-Ру, где и скончался в 1803 г.

Заслуга Марешаля в истории атеистической мысли заключается в том, что он стремился, хотя и не последовательно и лишь в некоторых вопросах, преодолеть буржуазно-просветительскую ограниченность атеизма XVIII в. Разумеется, было бы неверно видеть в его лице пролетарского атеиста. Это было бы столь же неверно, как смешивать бабувистский коммунизм, сторонником которого был Марешаль, с научным коммунизмом Маркса. Однако бесспорно, что ряд положений, развитых Марешалем в критике религии, знаменовал его отход от буржуазно-просветительского атеизма и приближение к воинствующему атеизму пролетариата.

⁷⁹ См. Ланда С. С. У истоков «Оды к юности». — Литература славянских народов. Выпуск 1. Адам Мицкевич. К столетию со дня смерти. Сборник статей. М., 1956.

⁸⁰ Марешаль С. Избранные атеистические произведения, с. 265.

⁷⁷ Voyages de Pythagore en Egypte, dans la Chaldée, dans l'Inde, en Crète, à Sparte, en Sicile, à Roma, à Carahage, à Marseille et dans les Gaules. Paris, 1800, p. 334.

⁷⁸ См. Оксман Ю. Г. Из истории агитационной литературы двадцатых годов. — Очерки из истории движения декабристов. М., 1954.

Маршалль С. Избранные атеистические произведения. Предисловие Х. Н. Момджяна. М., 1958.

Маршалль С. Страшный суд над королями. Пер. К. Н. Державина. Л., 1934.

Маршалль С. Стихи против бога. — Атеизм и борьба с церковью в эпоху Великой французской революции. Сб. материалов, ч. I. М., 1933.

Великовский С. И. Поэты французских революций 1789—1848. М., 1963.

Вороницын И. П. История атеизма. М., 1930.

Иоаннисян А. Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966.

Кучеренко Г. С. Социально-политические взгляды С. Маршалья. — История социалистических учений. М., 1962.

Ланд С. С. У истоков «Оды к юности». — Литература славянских народов, вып. I. М., 1956.

Лихоткин Г. А. Сильвен Маршалль и «Завещание Екатерины II» (К истории одной литературной мистификации). Л., 1974.

Момджян Х. Н. Сильвен Маршалль. — Изв. АН АрмССР, № 1—2. Ереван, 1944.

Оксман Ю. Г. Из истории агитационной литературы двадцатых годов. — Очерки из истории движения декабристов. М., 1954.

Обломиевский Д. Литература французской революции 1789—1794 гг. М., 1964.

* * *

Advillette V. Histoire de G. Babeuf et de babouvisme. Paris, 1884.

Damiron P. Memoires sur Naigeon et accessoirement sur S. Maréchal et Delaland. Paris, 1857.

Domtingé M. Sylvain Maréchal. L'égalitaire, «L'Homme sans dieu». Sa vie, son oeuvre. Paris, 1950.

Fusil A. S. Maréchal, ou l'homme sans dieu. Paris, 1936.

Kormin O. Essai d'une bibliographie de S. Maréchal. — Revue historique de la Révolution française, t. 2, 1911.